

виновных. Оно включает производство по применению мер процессуального принуждения; производство по применению мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса; производство по устранению из производства по уголовному делу участников уголовного процесса; производство по рассмотрению и разрешению ходатайств и жалоб.

Следует отметить, что специфика правообеспечительного производства заключается в том, что оно не имеет самостоятельного значения и в зависимости от конкретного вида уголовно-процессуального производства могут реализовываться как все образующие его элементы, так и только некоторые из них.

Список использованных источников:

1. Трофименко, В. М. Процессуальная форма: сущность и значение в уголовном судопроизводстве / В. М. Трофименко // Проблемы законности. – 2012. - № 120. – С. 202-208.
2. Недбайло, П. Е. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев. - М. : Юрид. лит., 1976. - 280 с.
3. Манова, Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. С. Манова. – Москва, 2005. – 443 л.
4. Строгович, М. С. Природа советского уголовно-процессуального права и его характерные черты / М. С. Строгович // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин, М. С. Строгович; Отв. ред.: В. М. Савицкий. - М.: Наука, 1979. - 319 с. – С. 3-71
5. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. - М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.
6. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - 138 с.
7. Цыганенко, С. С. Проблемы процессуальных производств и их типов в новом УПК / С. С. Цыганенко // Правоведение. - 2002. - № 4 (243). - С. 13 – 21.

УДК 343.2.7

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

А.А. Ильина,

магистрант УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»

Во все времена неизменно актуально обеспечение гарантий реализации права граждан на необходимую оборону. Институт необходимой обороны рассматривается как охранительный институт, обеспечивающий самозащиту ключевых прав человека.

Согласно нормам современного уголовного права не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при за-

щите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Большое количество судебнo-следственных ошибок вызвано сложностью квалификации правомерности обороны. В связи с этим, обращение к истории развития данного института представляет определенный научный и практический интерес.

Закрепление в Уголовном кодексе Республики Беларусь права на защиту от общественно опасного посягательства является законодательной реализацией естественного права каждого человека на защиту жизни, здоровья, чести и достоинства личности, собственности, жилища. Можно сказать, что государство делится с гражданами своим правом на пресечение преступлений.

Стоит отметить, что институт необходимой обороны имеет богатую историю, анализ которой составляет цель настоящего исследования. Признаки необходимой обороны в той или иной мере прослеживаются в самых древних источниках правовых норм. Такие выводы нам позволяет сделать, например, анализ законов Ману, древнеегипетских законов, норм римского права, законодательства средневековья, а также анализ памятников русского права.

Справедливым представляется мнение П.Д. Симашенкова о том, что «чем ниже уровень культурного развития общества, тем интереснее изучать нормы, регламентирующие приемлемые пределы применения насилия» [7].

Таким образом, если мы обратимся к истории развития данного института, то сможем проследить, как изменялись и совершенствовались нормы о необходимой обороне.

Одним из самых древнейших законодательств является индусское. Согласно законам Ману не признается виновным убийство, совершенное в войне, принятой в защиту священных прав, либо ради собственной безопасности, либо ради защиты женщины или брамина. Каждый человек должен убить без всякого колебания того, кто бросается на него с целью убийства, кто бы ни был последний, даже его начальник, дитя, старец, даже старец сведущий в священном писании [8]. Итак, по законам Ману допускается убийство посягателя не только в защиту себя, но и других. Причем стоит заметить, что оборона была возможна в защиту только жизни, о защите имущества законы Ману не упоминали.

Особый интерес представляют нормы египетских законов, согласно которым оборона была не только правом, но и обязанностью относительно третьих лиц. Эти законы карали смертной казнью того, кто видел убийство, не защитил, имея на то возможность; в случае же невозможности, он должен был донести судебной власти, при неисполнении чего подвергался телесному наказанию и трехдневному лишению пищи.

В Древнем Риме необходимая оборона считалась естественным правом, присущим человеку. По этому поводу там бытовала поговорка: «Лучше предупредить опасность собственными силами, чем потом обиженному прибегать к помощи суда» [8].

Следует отметить, что право частной защиты признавалось римскими юристами правом природным. В защитительной речи по делу Милона Цице-

рон красноречиво развил идею необходимой обороны, изложив такие мысли, которые не потеряли значения и в настоящее время.

Бывают случаи, – говорил Цицерон, когда человек имеет право лишения жизни себе подобных. И если это право справедливо, если оно когда-либо является необходимостью, то это в том случае, когда приходится силу отражать силой. Итак, для судьи существует священный закон, закон неписанный, но который родился вместе с человеком; закон, явившийся ранее законов, предания, ранее появления всех книг, но начертанный природой в ее бессмертном кодексе. Он гласит нам: в момент неотразимой опасности, явившейся под кинжалом своекорыстия или ненависти, позволительно всякое средство спасения. Таким образом, судьи, не теряйте из виду этот принцип; он должен обеспечить в ваших глазах торжество нашего дела, если не забудете той аксиомы, которой забывать не следует, а именно: каждый, кто стремится отнять у нас жизнь, может быть убит без всякого колебания [7]. Высказанные в этой речи принципы постоянно приводились римскими юристами, которые выработали для необходимой обороны два главных условия: 1) несправедливость нападения и 2) неизбежность опасности.

Переходя от римского права к средневековым законодательствам, мы увидим самые разнообразные взгляды на право частной защиты. Одни разрешали убийство при защите чести и имущества, другие подвергали каре за убийство при защите собственной жизни [9, с. 238]. По французскому и англосаксонскому праву по усмотрению короля могло освобождаться от ответственности убийство и нанесение ран при защите собственной жизни. Но следует отметить, что целью этого была вовсе не защита жизни, а предотвращение столь частых в те времена войн.

В том же самом направлении развивалось каноническое право. Проповедуя чувства человеколюбия, повелевая любить даже ненавидящих, христианская церковь смотрела на право обороны, как на необходимое зло. Убивший при самообороне нарушил все-таки божеский закон и рассматривался, как грешник, и потому подвергался церковному покаянию. Запрещая ценой жизни защищать имущество и рекомендуя бегство в случае опасности, каноническое право разрешало, защищать постороннее лицо, причем оправдание этому находило в поступке Моисея, убившего египтянина при защите единоплеменника.

Прошли века самоуправства и насилия, прекратились частные войны, и наступило торжество принципа порядка, права, выражением чего явился законодательный сборник императора Карла V – Каролина (1532 г.), одобренный Аугсбургским и Ратисбонским сеймами. В этом сборнике законодатель в целом и относительно необходимой обороны, в частности, стремился согласовать принципы римского права с принципами германского, дав довольно полное развитие институту обороны. Чтобы оборона была признана законной, Каролина предусматривает, что нападающий должен быть вооружен, и чтобы нападение было незаконно. Кроме того, Каролина не признавала виновными в убийстве: женщину, убившую посягателя на ее честь, мужчину, защищавшего свою жену и дочь, а также тех, которые «убивали, чтобы спасти тело, жизнь или имущество другого лица, а равно и тех, которые уполномочены были на арестование кого-либо, встречая опасное сопротивление, принуждены были вследствие насилия прибегнуть к убийству» [3]. В отличие от варварских прав, Каролина допускала неограниченную необходи-

мую оборону жизни, чести и имущества, хотя необходимая оборона, как и в варварских правдах, предусматривалась в отделе о смертоубийстве. В ст. 139 Каролины указывалось: «Кто для спасения своего тела, своей жизни противопоставляет защиту, при которой убивает нападающего, тот ни перед кем не отвечает» [3].

Можно заключить, что приоритет в квалификации деяний отдавался объективным признакам (вред, причиненный и предотвращенный, действия обороняющегося).

В свою очередь французское законодательство допускает необходимую оборону только при защите личности; что касается защиты собственности, то она допускается в весьма узких пределах. Необходимая оборона имущества никогда не может быть нужна; собственник может уступить силе, потому что закон открывает ему судебный путь для преследования похитителя. Собственник не должен касаться жизни даже вора, исключая случаи насильственного нападения [1, с. 11].

Полагаем, что при анализе случаев немотивированного насилия полезно обратиться к законам времен «кулачного права». Так, в Швабском зеркале приводится ограничение, состоявшее в том, что, если кто-нибудь подвергнется нападению другого (или будет побитым или ранен им) и убьет нападающего, он не подлежит смертной казни, но должен заплатить половину пени (виры), следующей за убийство противника. Далее говорится, что, возможно, ранит нападающего при защите своего имущества. За нанесение ран также требуется уплатить половину виры [3].

История уголовного права также знает много примеров, раскрывающих особенности понимания конфликта интересов посягающего и обороняющегося, соотношение объективных и субъективных признаков в теории и практике разрешения подобных конфликтов.

Профессор В.Р. Долопчев [3] указывает, что у русских господствовал обычай неограниченного самосуда над преступником. Исследователь полагает, что необходимая оборона представляет собой некую разновидность самоуправства. Самоуправство может иметь место или после совершения преступления, или в момент его совершения. В первом случае это месть, а во втором – самозащита или необходимая оборона.

Следовательно, история уголовного права есть постепенная трансформация частного мнения за преступление в карательную деятельность государства.

Соборное Уложение (1649 г.) признавало правомерной не только оборону себя и своего имущества, но и оборону третьих лиц и их имущества, причем оборона третьих лиц была юридической обязанностью. Уложение также устанавливало, что слуга, ранивший или убивший кого-нибудь, защищая своего хозяина, безответствен перед судом. Слуга в этом случае не обязан был даже осознать, прав его хозяин или нет; для холопа достаточно было того, что господин пребывал в опасности. Но в Уложении ничего не говорилось о том, что господин обязан также защищать слугу. Действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не подвергались наказанию лишь, когда факт справедливой обороны был доказан (для чего оборонявшийся должен был доставить убитого или раненого преступника в приказ). Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. признавало существование эксцесса обороны в форме ее чрезмер-

ности. Такое превышение пределов необходимой обороны рассматривалось как обычное преступление [2].

Петровские Воинские Артикулы под правом необходимой обороны подразумевают исключительно право убийства нападающего (показательно: правила «нужного оборонения» излагаются в Артикулах в главе о смертоубийстве). Воинские уставы признают необходимую оборону при посягательстве на жизнь [10, с. 368-369], а Морской Устав – и при нападениях, угрожающих здоровью.

Кроме того, необходимая оборона ограничивается и требованием к обороняющемуся, чтобы тот доказал, что не был зачинщиком драки, и чтобы оружие участвующих сторон не было разнородным и т. д. Условия правомерности необходимой обороны по Артикулам:

- нападение должно быть противозаконным и насильственным;
- нападение должно быть беспричинным;
- нападение должно быть непосредственно предстоящим или только что начавшимся и требующим мгновенного отражения. Более того, согласно Артикулам, лицо, подвергшееся нападению, пребывает «в смертном страхе», то есть в самой крайней опасности для жизни.

Следовательно, лицу, подвергшемуся нападению, вменяется в обязанность уступать до последней возможности, и лишь в крайнем случае, когда уже ничто не помогло, разрешалось убить нападающего [10, с. 368-369]. Если лицо могло спастись бегством или у него была возможность прибегнуть к помощи начальства, оно обязано было использовать это. Возможность воспользоваться этими двумя условиями делало оборону ненужной и потому наказуемой.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. под «злоупотреблением обороны» понимало так называемую запоздалую оборону, т.е. причинение вреда уже после отражения нападения и предусматривало крайне низкие санкции за деяния, совершенные при эксцессе обороны. Так, согласно ст. 1467 за убийство при превышении пределов необходимой обороны оборонявшийся, в зависимости от обстоятельств дела, подвергался тюремному заключению лишь на срок от 4 до 8 месяцев, или аресту на срок от 3 до 7 дней, или, наконец, только строгому выговору в присутствии суда, а также церковному покаянию (для христиан) по распоряжению духовного начальства. Статья 1493 предусматривала наказуемость причинения увечья или нанесения ран при превышении пределов необходимой обороны. В Уложении в ст. 101 давалось определение эксцесса обороны: «Всякий напрасный, сделанный нападающему после уже отвращения от него грозившей опасности вред признается злоупотреблением обороны» [6, с. 224–225]. Итак, Уложение закрепляло только один вид эксцесса обороны – несвоевременность, которая признавалась обстоятельством, смягчающим ответственность.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), при необходимой личной обороне употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, равно и нанесения притом нападающему ран, увечья и самой смерти, не вменяется в вину, когда от нападения, при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства, действительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода оборонявшегося, или же нападе-

ние сделано вором или разбойником, или нападающий вторгнулся с насилием в жительство оборонявшегося. Необходимость обороны признается также и в случае, когда застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник силою противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения. При сем, однако ж, постановляется общим правилом: 1) что в каждом из вышеозначенных случаев оборонявшийся обязан обо всех обстоятельствах и последствиях своей необходимой обороны немедленно объявить соседним жителям, а при первой возможности и ближайшему начальству; 2) всякий напрасный, сделанный нападающему, после уже отвращения от него грозившей опасности, вред признается злоупотреблением обороны, и виновный в том должен быть подвергнем наказанию, которое определяется по мере причиненного им вреда, по роду побуждения, коему он следовал, и другим обстоятельствам дела (ст. 101) [5, с. 224–226].

Новое Уголовное уложение 1903 г. определяет необходимую оборону лаконичнее: «Не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне противъ незаконнаго посягательства на личныя или имущественныя блага самого защищавшагося или другого лица. Превышение пределовъ обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только въ случаях, особо законом указанных» (ст. 45) [2].

Относительно необходимой обороны весьма интересно английское правовое воззрение. Еще статусом Генриха VIII освобождался от наказания тот, кто убивал злоумышленника, который стремился совершить похищение, убийство или хотел насильственно ночью проникнуть в жилище.

Следует отметить, что большинство исследователей сходятся на том, что впервые данный институт находит свое юридическое закрепление именно в Русской Правде. Наказание за «самоуправство» в таких случаях налагалось на общих основаниях, в отличие от «самозащиты», которое не считалось преступлением. Однако, следует отметить такие древние памятники по русскому праву как договоры Олега и Игоря (911 и 945 гг.) с греками. Из этих договоров, относящихся к необходимой обороне, видно, что хозяин имел право убить вора на месте преступления, если тот оказывал сопротивление, если же не оказывал, то хозяин мог только связать его. Необходимая оборона по Русской Правде допускается при защите личности и при защите собственности. Согласно ст. 38 Краткой и ст. 40 Пространной редакции Русской Правды ночной вор мог быть убит на месте, если он противился своему задержанию. Но как только его одолели и связали, то убить его уже не имели права, и он должен был предстать перед судом. Убийство связанного вора не могло быть оправдываемо необходимостью, потому что опасность с его стороны миновала, и расценивалось как превышение пределов необходимой обороны [5].

Представленные примеры доказывают важность учета конкретно-исторической обстановки развития рассматриваемых отношений: в условиях тотальной правовой безграмотности акцент законодателя смещается в сторону квалификации объективных признаков, субъективные признаки трактуются максимально доступно для обороняющегося, так как подразумевают мотив обороны. Оборона выступает преимущественно проявлением инстинкта самосохранения, присущего каждому от рождения. В связи с этим имеется проблема кор-

ректной законодательной фиксации данного естественного права, реализация которого способна изменять интеллектуально-волевые, психофизиологические способности лица, и в результате субъект может причинить не вызванный необходимостью вред.

Таким образом, исследование древних источников права позволяет увидеть этапы развития института необходимой обороны, начиная от самых истоков зарождения юриспруденции. И в современном уголовном праве мы видим основу той модели необходимой обороны, которая зародилась в древности. Однако данному институту еще предстоит пройти определенный путь совершенствования.

Список использованных источников:

1. Баранова Е.А. Необходимая оборона / Е.А. Баранова. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 152 с.
2. Будзинский, С.В. Начала уголовного права / С.В. Будзинский. – Варшава. 1870. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3736/>. – Дата доступа: 20.09.2016.
3. Долопчев, В. О праве необходимой обороны / В. Долопчев // Юридический вестник. – 1874. – № 11–12. – С. 30.
4. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / отв. ред. В. Линовский – Одесса : Гор. Тип., 1847. – 149 с.
5. Калачев, Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды / Н. В. Калачев. – М., 1846.
6. Кони, А. Ф. О праве необходимой обороны / А. Ф. Кони // Московские университетские известия. – М., 1866.
7. Симашенков П. Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации / П. Д. Симашенков // Концепт. – 2015. – № 6. – Режим доступа : <http://e-koncept.ru/2015/15202.htm>. – Дата доступа: 20.09.2016.
8. Ткаченко, В. И. Необходимая оборона по уголовному праву / В. И. Ткаченко. – М. : Юрид. лит., 1979. – 120 с.
9. Уголовное право. Общая часть : учеб. / Н.А. Бабий (и др.) ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
10. Устав Воинский. Артикул Воинский с кратким толкованием // Памятники русского права. Вып. 8. – М. : Юрид. лит., 1961. – С. 368 – 369.

УДК 342.5

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

О.Е. Калпинская,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент

Прокуратура Российской Федерации является одной из важнейших структур государственного механизма. Она не относится ни к одной из ветвей государственной власти, что позволяет ей исполнять роль сдержек и противовесов, и осуществлять, предусмотренные законом полномочия.